

Семен Новопашин

ДАЛИ

◆ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Людям, с которыми жил,
учился, служил в армии, работал.

Сколько бы раз ни приезжал в родные края [на Дали, как у нас говорят], а теперь в с. Загвоздино Усть-Ишимского района Омской области, беседы с земляками оканчивались неизменным вопросом, когда напишу о тех местах, где прошли мои детство и школьная юность.

— Ты объездил почти полстраны, — говорил мне бывший сосед по Дали, — но где ты видел все красивее и богаче, чем у нас?

— Разве неинтересны были люди которые жили тогда на Далах? — задала как-то вопрос седая, как луна, женщина с узловатыми пальцами, бывшая доярка, которую я знал веселой девушкой-хочотушкой, одна из тех, тыловичек, на которых легла главная ноша Великой Отечественной войны кормить и одевать страну, — а как они работали на полях, фермах, пугах!

— Какие у нас растут грудин! — восхищался третий. — А клюква, ягоды которой с наперсток величиной. А малина, земляника! Шаг за оконницу — и бери.

— Вспомни отца, мать, их семьи, родословную. Это же живая история, — восхлинул родич, когда речь зашла о моих приемных родителях.

I. У ОЗЕРА

ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ мне довелось повидать немало городов и сел, а в некоторых из них жить и работать. Были одни получше, другие — похуже,

но эта деревня осталась в памяти навсегда: в ней прошли мои детство и школьная юность.

Как описать Дали и что было связано с ними?

Представьте себе огромную подкову. На ней бусинки, разбросанные посередине в разном положении. Эти точки-бусинки и были наши дома.

А подкова? Озеро, старница Иртыша. Когда-то он протекал здесь. Потом нашел путь прямой и короче, оставил о себе память — Озеро, соединенное с рекой узким каньоном-истоком, как мы его называли. Когда весной было половодье, исток соединял Озеро с Иртышом. Эта связь не прерывалась во все времена года. Но поздней осенью исток так пересыхал, что в иных местах его легко было и перешагнуть. Летом же, особенно в пору ужения, воды в истоке было много, и ребятишки любили ездить сюда. Там водились великаны-окуны, которые почти всегда ссыпались с наших ребячих удочек, хотя другой рыбы можно было «надрать» за день по ведру и более. Если учить, что у каждого из нас был не очень-то надежный крючок, то это была неплохая рыбалка. Но и зацепов тоже было предостаточно.

Время идет. Исток становится все уже, зарастает тальником, затягивается илом, как многое со временем в нашей памяти.

Бывшая река, а ныне Озеро, со всех сторон охватывает Остров, левый берег которого, где находилась наша деревенка, был крут, а правый низок, подтоплялся весенними водами. Когда они спадали, на Острове росли чуть ли не в рост человека травы. Часть их скапывалась, сушилась, собиралась в валки, колны, стога. Но на большой территории Острова пасся скот, молодняк. Кое-где сеяли яровые хлеба. Так этот остров велик.

Для нас, ребятишек, Остров обладал какой-то магнитической силой, он притягивал к себе, будил наше воображение. Там можно было, переплыть на Остров на какой-нибудь уткой подконке, не боясь разжечь костерок, погнать в знакомые всем игры, позагорать, побегать по галечной отмели, побродить с ружьем, пострелять уток. И тогда водилось тут немало разных пород: но больше — кряквы и чирков.

Многих мальчишек, в том числе и меня, больше всего привлекали ложбины, откуда уходила вода и они пересыхали. Там оставалась зазевавшаяся рыба, которая не успела скатиться вовремя в Озеро. Чаще всего это были молодые щучки. Их мы ловили самыми разными способами. Корзинами, сплетенными из ивовых прутьев, сетками, снятыми с себя штанами и рубашками, а то и просто — руками. Иногда раз, шагая в воде, сунешь палец в пасть ошалевшей от шума и муты щучки, да так и вытащишь ее из воды. А потом попробуйка отцепиться от зубов хищницы. Кровь текла ручьем, вонь от боли, но зато с какой гордостью возвращаешься домой с добычей!

Можно было ловить рыбу не на одном Острове, а где-нибудь в укромном месте и на «нашем» берегу. Для меня это было устье небольшой речушки Манаевки, которая течет прямо под горой, сразу за деревней, где ловились такие большие ёрши, как они клевали дружно! Были еще два заветных местечка. Там даже не надо было измерять и глубину. В чистейшей воде бойкие чебаки прямо на виду хватали нахиву, но и срывались тоже многие.

Взрослые считали сиденье с удочкой баловством и ловили рыбу по-иному, более эффективными методами.

РОДИТЕЛИ МОИ обычно днем работали в колхозе: им было не до рыбалки, да и выходных с отпусками у колхозников тогда вовсе не было. Зато ночь была свободной от дел. И они использовали ее по своему усмотрению. Сунут, бывало, в свои лодки-дощаники домашний неводишко, возьмут на буксир долбленику чтобы было куда складывать добычу, и отправляются к Острову. Конечно, и я с ними. Закидывать неводок

— Ты учился в четырех школах. Разве нет смысла вспомнить об учителях, о соучениках, как сложились их судьбы, где они! — как-то напомнил товарищ по такой далекой — по времени и памяти — Усть-Ишимской средней школе.

— Забыл, небось, как пахали-боронили на полях у Гореловских ворот на сиваках-бурках. Ах, какой был Гусар! А как ты был, когда коровьему стаду по вкусу пришла новая рубашка. А как на Пудике катался! — заметила одна из тех, которые никогда и ничего не забывают, особенно, если это связано с неприятностями для ее собеседника, с неловкими ситуациями, в которые тот попадал.

— Выжига, шуликуны, вечера, «шарик», танцы на яру, гоголевский «Вин», — принялся перечислять, как мы проводили свободные часы, в свое время домашний затейник, не утративший это свойство и в свои шестьдесят лет.

Растревожили мне душу земляки.

И я решил, как умею, рассказать о том, что сохранила моя память о тех, теперь уже таких далеких годах, вспомнить свое детство и школьную юность, как мы жили, работали, отдыхали, вспомнить суровые годы войны.

Было хорошо, если бы те, с кем довелось на Далах жить в то время, дополнили бы мое повествование, внесли в него свое видение событий, прибавили бы фактов и примеров, фамилий, написали в редакцию, где имеется мой адрес, чтобы еще более представить картину, нарисованную в этих очерках. Уверен, нечто подобное было и в других местах, но по-своему. Разве это не будет интересно вспомнить тогда живущим и нашим современникам?

обычно меня не брали. Это делали сами отец и мать. А меня оставляли «на тонк». То есть, попросту я должен был держать колышек, чтобы с него не соскользнула веревка, которая «ушла» за подкрай вслед за неводом.

Стою. Боязно. Темнота. Кричат какие-то неведомые птицы, что-то шуршит под ногами. Не звенят ли, которых я смертельно боюсь до сих пор? Стало повеселее, из-за туч выглянула луна и освещала Озеро, и часть Острова, и приближающую к нему лодку, из которой выходят родители. И снова — темно. Луна скрылась. Жутко. Но вот из черноты появляется фигура. Она приближается ко мне. Но я не боюсь. Это мама. С ней мы начинаем подтасливать неводок за веревку. С другой стороны, чуть поодаль, это же самое делает и отец. И вот невод на берегу. Сходимся поближе. Вижу рыбью. Снова выгляднула луна, и вся наша добыча, сотни рыб как бы отливают серебром. Они шевелятся, бьются в ячейках. Но больше всего радует мотня. Там главная удача. Даже попадались язи, вот еще нельмушка, стерлядка! Это в Озере-то! Не иначе как с Иртышом забрела.

Если уловы невелики, валим их в долбленику, но чаще всего за несколько тонн набирается столько, что ее приходится оставлять прямо на берегу. Потом поутру отец, а чаще всего и я с ним, ездим и — до работы — собираем рыбу.

Потом, когда родители уходили на работу, я носил эту рыбью домой. Укладывал ее в холодке, чтобы не протухла, закрывал от мух марлей или просто чистыми тряпками. И начиналось! Надо было очистить всю. Это занятие отнимало целый день. Представьте себе чудесный летний день, веселые крики приятелей за оградой у этого дома, а ты чистишь и чистишь эту ненавистную рыбью. Но ослушаться родителей не смешно: мать на расправу горазда, не хочется, чтобы по твоей спине и ниже походила опояска или ремень, а то и обычный прут. Правда, отец в таком случае только покачает головой, не побьет но его укор куда более болезненный, чем порка матери.

Всё! Рыба очищена. Теперь можно и погулять. Но что это? Голоса друзей уже не слышно. Начинает темнеть. Вечер. Неужели так и прошел целый день? Обидно!

Зато зимой не мы, а к нам захаживали соседи за рыбой, а она такая вкусная, когда ее выплавили, очистили и засолили свои руки.

С хлебом во время войны да и после Победы в деревне бывало тугово. На трудодень давали крохи. Но и это размолотое — свое — зерно было какое-то темное. Хлеб из него был горький, невкусный. Отец находил выход. Он отращивался у бригадира, запрягал лошадку и, уложив в мешки некоторое количество засоленной рыбы, отправлялся по соседним деревням менять ее на муку. Бывало, привозил и большие белые булки, от которых, положив на грудь, можно было отрезать — через всю краю — огромный ломоть. Ах, если бы он был свеж, не ломался еще. А то мороженный, принесенный с холода, он бывал уже не того вкуса.

Ловили рыбью не только мы, ребятишки, но и семьи.

В КОЛХОЗЕ ИМЕЛАСЬ рыболовная бригада, которая существовала все военные годы и потом после мая 1945-го. Обычно в ней работали женщины и старики. Башлыком, то есть бригадиром, обычно назначали Изота Алексеевича Бизина, деда с огромной седой бородой, смешливого, но и очень строгого человека, который не любил непорядки и лентяев.

Рыбу, которую добывали наши колхозники, куда-то увозили, сдавали, но, думаю, особой выгоды от этого, хозяйство, да и люди не имели.

Не упускали возможность ловить рыбью и зимой. Как сейчас помню моих земляков, которые шивали большущий невод. Такой, чтобы занять им всю ширину Озера. А уж о мотне и говорить нечего — она была под стать неводу. Привязав его на крепкие, надежные веревки, опускали в майну — широченную, специально для этой цели выдолбленную во льду прорубь. По краям Озера, на известном удалении от берегов, делались небольшие лунки, точнее проруби. Туда заводились длинные жерди, и одновременно с обеих

сторон их проталкивали вперед. За ними шел невод, пугая и захватывая рыбью. Но тащили невод не бесконечно. Опять-таки вырубали майну и с помощью лошадей, людей, воротов этот невод выволакивали на берег. Рыбы обычно попадалось много. И самой разной. Главный улов приносил мотня, которая, бывало, буквально кипела от живого серебра.

Мы, мальчишки и девчонки, по мере сил тоже как-то помогали взрослым и зимой. Однако и не дремали. А, собираясь домой, где-то под вечер отбирали самых больших рыбин, запихивали их в свои, чаще всего рваные, одежды и спешили в деревню с Озера, чтобы порадовать мать-солдатку, меньших братьев и сестер свежатиной. И никто из рыбаков, разве что за исключением самых злых и ненавистных, не отбирал нашу добычу: понимали, надо как-то прокормиться всем. В войну ведь сделали это было совсем не просто даже далеко в тылу, в Сибири.

НЕ УПУСКАЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ мужики ловить рыбью и весной, как только с Озера начинал сходить лед. Ставили фитили и морды (снасть, сплетенная из ивовых прутьев), в которые обычно попадали здоровенные щуки. Особенно хороша была их икра, приготовленная на сковороде да еще залитая яйцом. А то и просто малосольная. Крупная, зернистая.

Можно было бы рассказать, как отец ездил остроежить. Зажженное на носу лодки в специальном приспособлении смолье (из ели или сосны) освещало гладь воды и стоящих у коряг или у озерных трав рыбин. Тут уж не зевай, коли. Стараись побыть к голове. Отец любил такую рыбальку, но ездил с матерью или со знакомыми. Меня почему-то не брал, и я могу об этом судить разве что по его рассказам и сияющим в летней темени огонькам на носу лодки, которые время от времени вспыхивали на озерной глади. Если мужики выезжали с острогою, почти всегда им выпадала удача. Поэтому, может быть, на нашем столе и столовах моих земляков никогда не переводилась рыба. А ведь ловили ее фактически дедовскими методами. Не было ни яростно колотящих воду винтов «Вихрь», ни хитромудрых ловушек, а на любителя рвануть на Озере толом — на такого посмотрели бы как на сумасшедшего.

Я УЖЕ ДАВНО НЕ ЖИВУ на Далах, с весны 1954 года. Но дома бываю. Деревенки моей нет. В модную пору, когда у нас в Союзе дружно затрубыли об агрогородах и неперспективности таких селеньиц, как Дали, их начали понемногу, а может быть, и спомогают уничтожать. Вначале не стало школы, потом и магазина. И люди разбежались, кто куда. Часть перебралась в длинное, как кишка с одной улицей, село Загвоздино, другие, подобно мне, навсегда покинули эти места.

Там, где когда-то были Дали, все распахали. А больше — высится чертополох. Некогда любимые мною и другими деревенскими мальчишками местечки, где мы удили, заросли тальником. Да такими, что невозможно пробраться даже к речке Манаевке.

— А рыбьи? — интересуюсь, приехав в деревню в июне 1990 года.

Земляки глядят на меня, как на чудака. О чём, мол, спрашиваешь? Нету ее.

Озеро так же прекрасно, как же манит к себе. Захватив удочки, мы вместе с одиннадцатилетним сыном Павликом отправляемся на уженье.

Вначале побывали у Манаевки. Закинули, наживив отменных червяков на крючки. Но, увы, ни одна рыбка не поспешила клюнуть. За пару дней, побывав там и тут, у Дали и около самого Загвоздино, мы вдвоем выловили пару мальков величиною с мизинец.

Может быть, мы бестолковые рыбаки? Не сказал бы. Наши соседи по рыбальке, местные ребятишки, выловили по столько же, а то и вовсе ушли домой ни с чем. Почему?

Встреча с теми, с кем провел свое детство и юность, — всегда радость. То же самое я испытал, когда в Загвоздино пришел к Ивану Огорелкову. Уж он-то дока по части рыбаки. Увы, и Иван Яковлевич ничем меня не порадовал. Мы вспомнили, как было раньше. А теперь?

— Съездишь, закинешь невод, хорошо, если за две три тонны на жаре добудешь, — с горечью рассказывал мой бывший сосед по Дали. Не лучшие отзывы в таком же духе я услышала от Толи Караваева, прости, Анатолия Матвеевича Караваева, моего друга по детству из Курьи, ныне колхозника, живущего так же, как Иван, в Загвоздино. И не только от них. Горько стало на душе от этих слов.

ОБЫЧНО МЫ ВИНИМ в порче природы приезжих.

Да, в Усть-Ишимском районе особенно леспромхозы: наделали дел, фактически уничтожили все леса, загубили с теми же лесовозными дорогами, немало речек. А сколько осталось тополя. Я сам когда-то работал в Малобичинском леспромхозе, и мне не надо говорить, как это делается. Довели до ручки Иртыш и Ишим Омск и другие города, нефтяники, речники и прочие.

Но еще страшнее, когда сами люди, постоянно живущие на этой земле, губят ее собственными руками. А как небрежно в том же колхозе имени Орджоникидзе хранились миндобрения, брошенные где и как попало. По весне целыми потоками вместе с талыми водами они стекали в Озеро. В него можно заехать сегодня на тракторе, на машине, чтобы помыть их. Прибавляют грязи и мазута, бензина керосина и мастерская гараж, расположенные на берегу Озера.

Верхом головотяпства стали вырытые траншеи для закладки силоса прямо в бывшей деревеньке Дали. И тоже у самой кромки берега. Смрад из этих ям струится ручьями в Озеро, уничтожая все живое. Жители Загвоздино не стесняются сваливать под гору всякий хлам, видимо, полагая, что его унесет вместе с большой водой по весне. А он, особенно железный, так и лежит там годами.

Возродятся ли Дали? Оживет ли Озеро? Все это в немалой степени зависит и от моих земляков, которые, к сожалению, пока плюют на экологию, а добивают то, чем их наградила природа.

Семен Новопашин ДАЛИ

◆ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

2. ТЫКМА

НА ВЫСОКОМ, «нашем» берегу, сразу за Далями, начинались поля, если так можно было назвать маленькие—от трех соток до пяти гектаров—пространства, отвоеванные от лесов и болот.

Я не агроном и потому не стану говорить о том, какие урожаи давали эти поля. Если чего-то и добивался сибирский крестьянин, то лишь крепко унавоживая и проливая немало пота в процессе обработки земли.

Но были и такие земли, которые мои земляки не очень-то и уважали. Сколько бы они ни старались, к примеру, ухаживать за полями, расположеннымными у речки Тыкма, проку было мало. Зато народ любил ходить сюда за ягодами, особенно за смородиной, и никто не возвращался с пустым ведром. Наиболее опытные сборщики знали, где росли эти ягоды. Люблили они затененные места, на склонах речушки-крохи, где-то там внизу бегущей к родному Озеру. А какая росла костяника по опушкам березнякам тыкминских полей! А черемуха? Вкусней, пожалуй, ее не было нигде, если не считать иные деревья-родственники у соседей, куда мы тайно пробирались по вечерам. Но говорят, ворованное всегда слаще, хотя, застав нас, ребятишек, за этим занятием, дед основательно угощал крапивой, задрав штаны виновнику. И невольно в этот момент думалось: не лучше ли сходить на Тыкму. И шли, хоть и вел туда неблизкий путь.

ГРИБЫ МЫ ОБЫЧНО брали в лесу, даже в так называемом междуусье, находящимся как бы в окольцевании двух дорог. Одна из них шла на Тыкму, вторая — к Гореловским воротам и далее в Курью. Замечательное место! И не заблудишься; куда-нибудь, на какую-то дорогу все равно выйдешь. Вперед отправишься, увлекшись, — наткнешься на изгородь, которая спасала дальние поля от скота.

Год на год не приходился, и поэтому мы знали, когда, где и что брать.

А какие грибы мы предпочитали?

Не так давно мне в руки попалась книга Ф. Федорова, озаглавленная довольно непрятательно «Грибы», изданная в Москве Россельхозиздатом в 1983 году с отличными иллюстрациями художника В. Юдина. Там, среди перечня и описания разных грибов, одно из первых мест занимает груздь.

С удивлением узнаю, что, оказывается, существуют грузди настоящий, желтый, дубовый, осиновый, черный, тополевый, перечный, пергаментный и даже собачий. И даны краткие их характеристики и где их искать.

А УЖ КОГДА УВИДЕЛ настоящий груздь нарисованным, как живой, то передо мной встала вся картина сбора этих грибов в наших далевских лесах.

В урожайные годы мы собирали грузди таким образом. Отец брал в колхозе коня, запрягал его в телегу, на которую ставил внушительных размеров коробуху, и мы всей семьей — он, мать и я отправля-

лись на заветные места в лес. И начинали сбор. Груздей бывало так много, что их собирали, как картошку. Набрал полную корзину и высыпал в коробуху.

Нагрузившись, отправлялись домой. И там продолжалась не менее хлопотливая работа. Ведь грузди надо было все перебрать, очистить от прилипших на них кусочков мусора и грязи. А затем вымачивать несколько часов в холодной воде. Потом еще раз основательно прополоскать и лишь после этого солить.

Мать обычно не занималась взвешиванием соли, она уже знала на глаз, сколько надо, и никогда не ошибалась. Положит, помню, ряд грибов и на них всяких разных пряностей вроде смородины, хрена, укропа, чеснока, перца, а если есть, еще лаврового листа. Потом обернет чистой марлей деревянный кружок и на него — гнет. Иной раз груздем в той или иной кадке оказывалось мало (а мы собирали обычно по несколько кадок), то снова ездили добиралась. А через месяц уже ели грибы.

Конечно, собирали мы и волнушки, боровики, березовики, маслята, лисички, опенки, рыжики, сыроежки. Но как-то старались не замечать валуев, зеленушек, скрипец, свинушек, не говоря уже о сморчках и шампиньонах. Считалось, что и без того довольно. Но я думаю, что мы просто не знали да и не ценили их. Может, оттого, что можно было обходиться и другими, более знакомыми и лучшими по вкусовым качествам.

Позднее мне приходилось ходить множество раз за грибами (люблю это занятие), но увы, рад, был любому более или менее сносному грибу, которые можно зажарить, засолить, замариновать. А груздь все-таки мне милее всех! Когда я вспоминаю его в сметане, с горячей наваристой картошкой, так и текут слюнки. Знатоки утверждают, что соленый груздь хороший и на закуску «под водку». Теперь я вроде бы не молод, мог бы рюмачку опрокинуть. Да где возьмешь, черт возьми, этот самый груздь!

А ЕЩЕ МЫ, РЕБЯТИШКИ в те годы первыми шагали на поляны, как только начинала поспевать земляника, собирали малину, а на болотах — морошку, голубику, бруснику, клюкву, а о такой редкой, но страшно вкусной ягоде, как княженика, я даже сочинил балладу.

Были у нас великолепные мастера сбора ягод и грибов. Одну из них, бабушку Анну Осину, Осиху, вспоминаю до сих пор Маленькая, сгорбленная старушка, она была быстра на шаг, и те, кто согласился сходить с ней на болота, едва успевали отшагивать километры. А уж приведет она в такие места, что еле-еле унесешь и кузовок.

Но главное достоинство Осихи заключалось даже не в этом. Взгляните на карту страны, в то место, где в реку Иртыш впадает неглубокий Ишим. Там стоит село Усть-Ишим. В пятидесяти километрах или чуть больше от него по Иртышу и были наши Дали (чуть в стороне от реки, над Озером). А теперь переведите взгляд на север от реки. И вы убедитесь, что аж до самого Северного Ледовитого океана поселение — редкость.

Тогда, в тридцатые-пятидесятые годы, можно было спокойно шагать к океану за несколько тысяч километров, не встретив человека. Я это говорю к тому, что заблудиться на таких просторах запросто. Поэтому в наших походах за клюквой и другими болотно-боровыми ягодами мы всегда надеялись именно на бабушку Анну. Она выходила, кажется, из любого положения и неизменно выводила нашего брата, сорванцов, к дому: отправляясь с нею, никто и никогда не терялся, если уж сам не забирался черт знает куда. Но и то баба каким-то чутким находила заблудившегося.

Семен Новопашин ДАЛИ

◆ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

3. В ШАЛАШЕ НАД ИРТЫШОМ

ВОДНОМ, ТАК И не законченном мною до сих пор стихотворении о родных местах, есть такие строки: «Я бы Ржавца, как державца, прямо в горницу прошел». Усадил бы на самое почетное место и стал угощать самым-самым. Но сделать это при всем желании нельзя: Ржавец просто-напросто ручей по дороге из Далей на «наш» луг. Место, где надо было переезжать через Ржавец, топкое, и всякий, кому доводилось это делать на коне верхом, а тем более на телеге, спешил особо не задерживаться, так как и застывать недолго. Уж чего-чего, а грязи, воды и ила тут хватало с лихвой. И цвет их был какой-то необычный. Будто валяется где-то железо, ржавеет, и течет ручей с таким цветом воды.

Потому, видимо, и прозван Ржавцем. Он, этот Ржавец, брал начало из какого-то болотца, на середине которого еще посверкивало бледечко воды. Поодаль были видны еще несколько его собратьев. Около них шумели камыши, росли телорез, осока и другие травы, которым «по душе» обилие влаги. А рядом со Ржавцем и его соседями, насколько хватал глаз, расстилались луга, на которых было такое богатое разнотравье, которого я потом нигде не видел. Недаром же мужики поговаривали, что тут что ни покос, то копна. Конечно, они несколько преувеличивали, но не так уж и на много.

О столь богатых угодьях знали и в колхозе и всякий раз покушались было на них. Выгода была прямая во всех отношениях: до деревни рукой подать — значит

по первозимку можно сразу вывезти к скотным дворам, на сенники, да и коровы, поедая такое сено, сразу прибавляли удои.

Не дремали и сами люди. Только собираются бригады наряд послать, чтобы эти места выкосить, глядь, а там уже вся трава лежит, или — в валках, или уже застоговано.

ОТЕЦ ЛЮБИЛ КОСИТЬ у Ржавца. Обычно это делалось по ночам: днем он был на колхозной работе. Подросший до того момента, когда смог держать литовку, лет с десяти, я тоже, по мере сил, помогал это делать. И косил, и греб, копнил и даже метать на стога приходилось.

Имел тут свой негласный участок для косьбы не только отец, но и другие жители Далей. И не дай Бог кому-то нарушить это правило.

Сено, заготовленное таким образом, частенько исчезало в неизвестном направлении, и как бы потом его ни искали, не находилось. Придет нарушитель на сеновал к подозреваемому, кто вроде бы его сено «увел», а тот: мол, видимо, колхоз увез. А там по-пробуй-ка отыщи. Помычется-потычется такой, а на следующий раз другому закажет в обговоренных местах чужой пай выкашивать.

Славились добрым разнотравьем не только те места у Ржавца.

ЛУГА, НА КОТОРЫХ колхоз «Труженики» заготавливал сено для общественного скота, делились на несколько названий. Это был «наш луг», на левом берегу Иртыша, куда обычно ездили и потом, после работы, возвращаясь домой. Это нравилось нашим мамам: закончили дело, приехали домой, что-то успели по хозяйству, корову подоить, ребятишек обходить, присмотреть, как они там, покормить, приласкать, быть может, хотя и мимоходом.

Нас же, мальчишкам, этот луг совершенно не устраивал. Подумавши, повозил копны, поподгребал прокосы, чтобы быстрее вялилась трава, сделал другие, по своим силам возможностям работы, и к вечеру — в деревню. Фи!

То ли дело Тайлакский луг, который находился на другом, правом, берегу Иртыша, напротив стана на «нашем лугу». Лошади, косилки и прочее, наиболее весомое, обычно переправлялось в другом месте, на пароме, который «ходил» через реку на правый берег.

Сенокосчики же переезжали на лодках. И там, на

лугу, жили неделями, пока длилась эта работа, трудная, выматывающая немало сил и нервов, если прибавить ко всем сложностям в самом процессе заготовки сена еще и гнус, комаров и пауков. Последние буквально заедали коней: бедные не знали, куда деться от этих кровососущих тварей. Единственным спасением была ночь, когда отдыхало и это злое и ненасытное воинство. Но комары предпочитали опять-таки темноту и жалили и за себя, и за пауков. В конце сенокоса не давала жить ни людям, ни животным ненавистная мошка, мошкара.

И все же молодость брала свое. Несмотря на легкий денек, парни и девчата собирались по вечерам на берегу реки, пели песни, звучали гармошка, гитара. И еще разводили огромный костер, около которого были все от мала до велика. И каждому было весело. Рядом, в метрах десяти, катил свои волны Иртыш. Иногда, сверкая огнями, проходили пассажирские пароходы. Не спеша тянули баржи буксиры. А как было славно спать в шалаши на свежем воздухе после трудов праведных и отдохновения у огня, который как будто снимал усталость! Как было приятно как бы случайно прикоснуться к девчоночьей руке, ощутить ее тепло, рассчитывая на взаимность. Жаль, что тринацатилетняя Валюша Черных, моя первая любовь, меня не понимала..

ЕСЛИ ВТОРОЙ луг так называли по имени деревеньки, находящейся в нескольких километрах от нашего шалашного лагеря, то никак не пойму, в честь чего и кого звали еще один луг, Кильтово. Был он тоже на правом берегу. Но от Тайлакского надо было еще туда ехать и ехать. Там я был всего один раз, и он, этот луг, показался мне каким-то хмурым, не-приветливым, хотя и там стояли точно такие же шалаши, как над Иртышом. Располагались они у Чертова озерка, о котором ходили разные слухи. Говорили о невероятной глубине, о каких-то диковинных рыбах, которые поселились в его глубинах. Но те, кто осмеливался заскользить туда неводок или удочку, обычно добывали карасиков с мизинец.

И если я говорил о богатых укосах на «нашем лугу», (неплохи бывали и на Тайлакском), судить об этом относительно Кильтова не берусь: просто не знаю, что и как там растет. Во всяком случае из-за большой удаленности этот луг выкашивали, по-моему, как попало, и большого проку от него колхоз не имел.

Семен Новопашин

ДАЛИ

◆ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

4. ОСКОЛКИ ПАМЯТИ

СЕЙЧАС, КОГДА ВЫ уз-
нали, что такое Дали,
какие там красивые и бо-
гатые места, самое время
познакомиться с людьми,
с которыми наша семья
жила со средины тридца-
тих, все сороковые и на-
чало пятидесятых годов —
время, о котором я и
веду свое повествование.

Многих из моих земля-
ков, тогда старшего, да и
среднего, возраста уже нет
в живых, умерли от старо-
сти, от болезней, погибли
по собственной вине и от
вина. Заметно поубавилось
поколение и моих сверст-
ников, детей военных лет.

Эти очерки не поминаль-
ник, в котором перечисля-
ются все «от» и «до». Да
обо всем и не расскажешь,
о событиях, о людях, ко-
торые жили теперь уже в
отдаленном от нас почти
целым полувеком. Моя за-
дача более чем скромна:
как-то соединить осколки
памяти, воскресить, в изве-
стной степени, что еще не
забылось.

Начну с Куры, где жил,
начиная с полуторамесяч-
ного возраста. Почему?
Как это случилось, поведаю
в другой раз.

Из памяти, как кораблик
на горизонте, выплывает
дед Иван, конюх с огром-
ной белой бородой. Он
разъезжал по деревне на
быстрых конях, обычно за-
пряженных в сани или ко-
шеву, розвальни ли. Мы,
малышня, горохом рассы-
пались вдоль дороги, с не-
терпением ожидали его по-
явления: велико было же-
ление прокатиться. И ко-
нюх никогда нам не отка-
зывал в этом удовольст-
вии.

А разве забудешь самых
первых своих друзей — То-
лю Караваева и Вовку Пле-
совских. Себя я помню лет
с трех, и они, эти маль-
чишки постарше, всегда
были рядом, играли вмес-
те. А чуваша Артемку, нем-
цев Сашку и Андреяку, бе-
лоруса Сашку, татарина
Кобурка?

Надо сказать, что людей
разных национальностей в
наших краях было и есть
предостаточно. Я уже не
говорю о татахах. В сред-
нем Прииртышье, том же
Усть-Ишимском районе,
обычное явление, что рус-
ские селения перемежают-
ся с татарскими, и никого
это не удивляет. Единствен-
ное преимущество татар,
что они живут на этой зем-
ле дольше русских, и по-
тому заранее заняли на-
иболее удобные места.
Чаще всего возвышенные,
неподтопляемые вешними
водами, богатые рыбой,
зверем и прочими дарами
тайги. Кто приехал, поселил-
ся попозже, оказался в
положении все-таки менее
выгодном. Жили татары и хомута.

в русских селах и дерев-
нях, и я не помню сколько-
нибудь серьезного случая,
чтобы между нами были
какие-то распри. Естест-
венно, что одни рассказы-
вали байки, анекдоты про
других. Те не оставались в
долгу, но в любой татар-
ской семье, какой бы бед-
ной она ни была, для рус-
ского всегда был чай и
традиционные их лепешки,
баурсаки. Ответным было
гостеприимство со сторо-
ны русских.

Вспоминаю в связи с
этим мою тетушку по ма-
тери Маремьяну Гордеев-
ну Плесовских, семья ко-
торой жила вначале в де-
ревне Гари, потом в посел-
ке лесозаготовителей — в
Саургачах. Дом стоял око-
ло большой дороги, и са-
мовар почти никогда не
гасился. Люди, особенно
татары, валили туда залом,
зная, что не останутся без
чая, закуски, услышат доб-
рое приветное слово, на
которое хозяйка была не-
скуча. Такими же выросли
и ее шестеро детей. Я еще
расскажу об этой семье
более подробно.

В нашей деревне Дали
тоже жило несколько та-
тарских семей. Помню
только по фамилии Сали-
ковых, ну еще Кобурку,
его сестру Катицу, их род-
ителей, которые всегда
были рады гостям, хотя
чаще всего мы вваливались
к ним в дом целой оравой
и вели себя шумно. Кобур-
ко обычно принимал участ-
ие в наших многочислен-
ных играх, да и, чего гре-
ха таить, в проказах. Ка-
тицу я помню еще малень-
кой. Она всегда была с
ним, но никогда не выда-
вала, что бы мы, мальчиши-
ки, ни делали.

В ТЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ жи-
ли в Курие и Череми-
сы, и чуваши. Хорошо пом-
ню их фамилии — Кашутин-
ы, Ишутин-старики! Половина нас прини-
малась на одной стороне
 поля орать и стучать пал-
ками, остальные смело шли
на поле с другой стороны
и набивали стручками ме-
шочки, разные там корзин-
ки, а то и запихивали сор-
ванное прямо под рубахи.
А больше всего — вытащы-
вали созревающее поле.

Удивляло в их поведении
и другое, какая-то беспо-
мощность, что ли, перед
обстоятельствами.

Как-то едет чуваш на
лошадке, запряженной в
санки. Воз сена на ферму,
кажется, везет. Распяг-
лась она в самый неподход-
ящий момент, посреди
деревни. Долго ли пере-
прячь ее? Может быть, че-
ресседельник ослаб — под-
тяни. Супонь развязалась,
дуга выпала — тоже не
беда. Вставь ее, эту дугу,
на место, затяни супонь у
хомута. Вяз у оглобли со-

скочил, есть и тут выход:
безвыходного положения
не бывает.

А он, этот мужичок, чу-
ваши, стоит, руки скрючил
и плачет. Шли мы, с пяток
пацианов, увидели эту кар-
тину. Как не помочь челове-
ку? Один кобылу в оглобли
заводит, второй хо-
мут на ее шее поправля-
ет, третий — седелко. Че-
рез десять минут — гото-
во. Езжай дальше. Обра-
довался седок, даже за-
был спасибо сказать. Все
на руки дует, а мороз-то
каких-нибудь градусов
тридцать, не более, был.

Иногда эту беспомощ-
ность мы использовали и
во зло. Едет иной такой
вот беспомощный. Хватаем
то замерзший снег, то ло-
шадиные глызы — и ну
пулять в него. А он только
голову в плечи втянет и
скорей коня погонять. Мы —
за ним. Уговаривать
озорников бесполезно. В
таком случае тот же сиби-
ряк сделал бы простое де-
ло. Сошел бы с саней, пой-
мал одного-другого и на-
драл уши. Жаловаться ты
бы к родителям не пошел:
добавили бы еще. Но в
следующий раз бы подумал,
надо ли так шутить?

Из всех приезжих чу-
вашей мне более всего
запомнился Артемка, мой
сверстник, худенький, с не-
веселым лицом маль-
чишка, у которого вечно
текло из ушей. Он был
безобиден, никогда не вя-
зывался в наши шумные,
доходящие иной раз до
драки, игрища и всегда
стоял в сторонке. Смотрел
на происходящее глазами
постороннего, и его как
будто и не существовало,
хотя он был тут же, рядом
с нами.

Но были среди чуваших
и смелые люди, которые
могли постоять и за себя,
и за колхозное добро.

Около Куры, рядом с
«большой» дорогой, веду-
щей на Дали, было поле,
на котором сеяли горох.
Учую, что он начинал по-
спевать (нравились «плашки»),
сельская ребятня, и я в том числе, хаживали
на это поле целыми вата-
гами и воровали горох. Но как обмануть сторожа-чу-
ваша (не помню его фами-
лии, кажется, Ишутин-старик?) Половина нас прини-
малась на одной стороне
 поля орать и стучать пал-
ками, остальные смело шли
на поле с другой стороны
и набивали стручками ме-
шочки, разные там корзин-
ки, а то и запихивали сор-
ванное прямо под рубахи.
А больше всего — вытащы-
вали созревающее поле.

Как отгадать это воин-
ство?

Поначалу дед бежал на
отвлекающий маневр. Но
ребятинки и не думали
рвать горох. Как только
появлялся сторож, они по
одному тотчас исчезали в
лесе, между деревьями (они, как солдаты, окружали
польце). Грабили дру-
гие.

Но в очередной набег
наши попытки пресеклись
самым прозаическим обра-
зом.

Как обычно, разделив-
шись на две половины —

одна орать, другая красть
горох, — мы двинулись в
сторону полюбившегося
нам поля. И делали так,
как договорились. Мы кри-
чали-стучали. Но, странное
дело, сторож не спешил
к нам. Зато там, где ос-
тальные обирали горохови-
ще, неожиданно раздались
вопли, плач.

Позднее оказалось, что
дед, запасвшись хорошими
вязанками крапивы, а за-
одно и прутьями, двинул-
ся совсем в противополож-
ную от нас сторону и при-
нялся запихивать эту жа-
ляющую траву в штаны
воришкам, а других от ду-
ши стегать прутом. Ясно,
что ни о какой добыче не
могло быть и речи. Наши
друзья мигом очистили по-
ле, спасаясь от деда.

Второй раз нам делать
набег на горох как-то рас-
хотелось, благо он и дома
оказался, на своих гряд-
ках неплох. Зачем же та-
щиться в поле за несколь-
ко километров, если по те-
бе походит прут, а зад
будет с неделя гореть, как
наскипидаренный, и ты не
смеешь пожаловаться в та-
ком случае ни отцу, ни ма-
тери. Ну его, этот горох:
дед надолго отучил нас
заглядывать на чужое.

В РАЗГАР ВОЙНЫ к нам
привезли немцев с По-
волжья. Приняли их у нас
в деревне по-разному. Од-
ни с откровенной непри-
язнью: «фашисты». Другие
— с недоверием: посмот-
рим, как вы еще себя буд-
ете вести. Третий — равно-
душно и холодно. Были и
такие, которым хоть трава
не расти: им все до фени.
Но самое интересное, что
эти «фашисты» как-то сра-
зу вошли в коллектив. От
работы они не отказыва-
лись, хотя на первых порах
живли и похуже во много
раз, чем старожилы, не
имели и теплой одежды
(жилье им сразу дали). Они
оказались людьми трудо-
любивыми, да и порядоч-
ными во всех отношениях,
хотя вели себя чаще всего
замкнуто.

Что касается их ребяти-
шек, то мы учились с ними
вместе. Я сидел за одной
 партой в начальной школе
 с самым настоящим нем-
 чонком — Андреем Цин-
 ном и делился нередко с
 ним куском хлеба, помо-
 гали друг другу решать
 задачки по арифметике.

Немцы были не только
старательны. Они живо ин-
тересовались техникой и
становились механизатор-
ами, да такими, которым
можно было еще позави-
довать. Тот же Андрей
Андреевич Цинн, отец ма-
ленького Андрея.

Вырос сын — тоже стал
трактористом и работал, по-
ка его не свалил рак, бол-
езнь. Он трудился в ме-
стном колхозе, отмечен
разными наградами, был
боевой общественник, пред-
седатель группы народных
контролеров. То же самое
могло бы сказать и о его брате — Сашке, ко-
торый продолжает тради-
цию покойного и так же на
добром счету в этом хо-
зяйстве. Их мать столь же
добросовестно, до самой
пенсии, работала в колхозе.

[Продолжение следует].

Семен Новопашин ДАЛИ

◆ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

4. ОСКОЛКИ ПАМЯТИ

[Начало в № 97, 98, 100, 102]

Интересно и другое. Местные девчата с удовольствием соглашались выходить замуж за немецких парней, серьезных, старателей и, как выходило потом, отменных семьянинов. Несомненно, была счастлива и Галина Анисимовна Перчакова (по мужу Цинн), которая была замужем за Андреем-младшим. Их дом был всегда полная чаша. Выросли дети, появились внуки. Жаль, что дедушка уже не увидит их. Женился и Саша Цинн на русской женщине—Шуре, и тоже оба не жалеют об этом, живя вот уже не одно десятилетие дружно и хорошо в материальном отношении. Ведь Александр отменный механизатор, как его отец и брат.

Женаты на немках—Ильде и Ирме—и два моих тодарища, Иван Огорелков и Анатолий Караваев, которые живут сейчас в Загвоздино. Судьбы их детей тоже определены. Одни из них имеют уже свои семьи, другие еще учатся в школе, но главное: ни о ком из них никто не слышал худого слова. Как о родителях, так и о ребятках и девчатах этих немецко-русских семей. Это считается как бы само собой разумеющимся.

У хороших родителей— хорошие и дети.

БЫЛИ В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ, на Далях, в войну и поляки. Тоже работали, как все, в колхозе, а дети их занимались в нашей начальной школе. На фотографии, которая запечатлела наш выпускной четвертый класс, есть и красивая девочка, полька, имя и фамилию которой, как остальных, я уже не помню.

Нет, однако, одна всплыла в моей памяти—Сруля. Она связана вот с чем. Поляки приехали тоже семьями. Но были среди них и неженатые или, возможно, разведенные мужчины, парни, которые жаждали познакомиться с русскими пани и временно подожнить на них. Они взялись за девчата, не брезговали и женщинами, мужья кото-

рых в тот момент были на фронте, воевали. Так вот о Игнатии Степановиче. Сруле. Он подкатил к одной из них—Марье Даниловне Моржевиловой, матери двух детей, и жили временно как муж и жена (а дилась рыба, и мы, пасынок, может быть, только «пояхивали»). Люди осуждали ее, разживались ею. Ели то И когда вернулся с фронта ее законный муж Евдоким, они прижились с Марьей еще одного сына—Витку, ких вечно голодных, как жил он с Даниловной не стал. Женился на Маруське Солке из Загвоздина.

Я не хочу вершить суд над М. Д. Моржевиловой. Это дело не мое, а ее, изменено тянуло именно в этот дом. Здесь нами никто не командовал, не кричал, что иди туда, не берни то, не смей заходить в комнату, запачкаешь пол, изменишь невзначай перину и прочее. Все было просто и хорошо. Мы чувствовали себя раскованно.

Обычная картина. Игнатий Степанович что-то читал из обуви. Марфа Герасимовна латает рубашонку Саше-Гальке. А мы, члены с десяток, играем на полу, на лавках с их ребятишками и весело переговариваемся с хозяевами на разных шутках, смеемся вместе.

Была у Марфы Герасимовны одна странная особенность: любила приваривать, сидит на своем любимом месте, около приступка печи на скамейке, прядет и так, будто про себя, говорит:

— Иду я утресть от Варвары Сергеевны. Смотрю: да! Дед Изот со своим Васькой, племянщиком, волокут, значит, нельму. Изот то за голову ее тащит, а Васька—за середку, а хвост то по земле волочится.

Мы, бросив занятия, внимательно прислушиваемся к словам Марфы Герасимовны.

Зная ее привычку приваривать, смотрим ей прямо в глаза. Она даже не моргнет. Значит, правда.

И мы гурьбой скатываемся с крыльца Никиткиных и устремляемся к дому деда Изота, башлыка, бригадира колхозной рыболовецкой бригады, по дороге горячо обсуждая необыкновенный улов и предвкушая увидеть большую все.

С чего начать рассказ о женщиными, мужья кото-

ним. Видимо, с семьи Никиткиных. Их дом стоял первым на пути из Курьи на дали, на яру, откуда можно было видеть всю «подторицу» и речку Манаевку, Остров и не большой согру.

Жили Никиткины бедно, но зато были богаты детьми. Старшим из них был Енка, нагуянный Марфой Герасимовной еще до замужества, матерью многочисленного семейства, до того, как она сошлась с

Игнатием Степановичем. Сам хозяин, хроменький на одну ногу, сапожник, был к тому же еще и удачливый рыбак. В семье всегда во-первых как муж и жена (а дилась рыба, и мы, пасынок, может быть, только «пояхивали»). Люди осуждали ее, разживались ею. Ели то И когда вернулся с фронта ее законный муж Евдоким, они прижились с Марьей еще одного сына—Витку, ких вечно голодных, как жил он с Даниловной не стал. Женился на Маруське Солке из Загвоздина.

Но бежать еще несколько километров туда как-то не хочется: небось ее уже пединститут, я лет через распластали разделили. И десять снова встретился с ней, сказав, что таких рыбин в фуражке речника, где осо-

бенно выделялся разлапис-

Через десятки лет после этого на Ямале я и впрямь пришел большую нельму, рамленные «жалустой». При-

нял меня Петька холодно,

сом.

ян, который еще и побеги, лишь о том времени. И если в беседах слышатся кифоровне, что жила на паузы (не о чем толковать), они подчас эти паузы, мутительны, их нечем заполнить и остается одно—водка. А напившись, можно говорить о чем угодно, иной раз и особо не задумываясь. Так, видимо, получилось и у нас с Петькой Останиным.

С РЕДИ ЗЕМЛЯКОВ, которые оставили след в моей памяти, — дед Максим Николаевич и Олимпиада Григорьевна Плесовских. Ее я знал хуже. Она большей частью «топталась», как говорят сибиряки, на кухне, по дому. Зато деда Максима любила вся ребятня

Далей. Он был колхозный столяр-плотник и работал в небольшой мастерской, которая располагалась на гумне, в пристрое. Там всегда были доски, полозья, заготовки на дуги, на сани, пахло свежеструганным лесом.

Как сейчас вижу деда в холщовой рубахе на выpusк, в передничке. Седая борода так и летала, словно птица, вслед за неутомимыми руками, которые былиенно заняты то рубанком, то еще каким-нибудь столярным инструментом. Когда мы уж чересчур начинали мешать, он, как-то виновато поглядывая, пытался выпроводить нас. Мы, уходя, дружно в рифму кричали: «Дедушка Максим, в корзинку по...». Максим Николаевич деланно сердился, хватал что попадалось под руку и пускался за нами вдогонку. Мы, как говорят, рассыпались кто куда, чтобы минут через десять опять забежать к добродушному деду и снова слушать его побаски и разные интересные истории, видеть, как из обычной береск получается отменные сани или рождается колесо, на которое стоит одеть лишь обруч, потом на ось и — в путь, телега.

Дед разрешал нам не только трогать его инструменты, но и поработать. И никогда не стоял над душой. И я не помню, чтобы кто-то испортил что-либо, порезался ли. Ну, пришибешь себе палец, смотреть надо, не ворон пришел ловить, работать... И если я вижу, приезжая домой, у многих из далевских мальчишек, теперь уже давно бывших, моих сверстников, да и постарше, поморожли годами, что сделанное их руками из дерева красиво и ладно, вспоминаю кудесника деда Максима из нашего общего

карьера Петьки сложилась, видимо, так. Какое-то время он работал на судах, а потом перешел на завод и уже там заканчивал свой трудовой путь. Петька был уже на пенсии и потому никуда не спешил. И мы с ним поговорили. Но расстались после 32 лет разлуки, а потом и после случайной встречи, как люди, которых есть только общее солидность, рассудительность. И сейчас он в колхозе, как тракторист, на хорошем счету.

Что касается Жени, то, завершив учебу, она приехала домой, работала в средней школе преподавателем, а потом сплилась и умерла, хотя могла бы еще долго жить счастливо за таким серьезным мужем, как куринский Михаил Куприянович Максимов. Надо вообще сказать, причину ее трагедии надо что-то, кто провел когда-то в семье, где пили вместе подчас годы и годы. Особенно дед Емельяновы, встречаясь, говорят детства,